

Смеялся месяц... И от соблазна
Сокрыл за тучи острый рог.
Дрались... А мудрость лежала праздно
На перекрестке трех дорог.

Зинаида Гиппиус. Мудрость

Глава 1

ЩЕНКИ

Под железным потолком горела тусклая лампочка без абажура. В гараже пахло бензином и рвотой.

Полный рыхлый мужчина, давно разменявший пятый десяток, сидел в круге света от тусклой лампы. Его крепко-накрепко привязали к стулу, замотав руки и ноги скотчем.

Он находился в гараже — он это понял, когда с трудом открыл глаза, очнувшись от долгого обморока, вызванного ударом по голове сзади. Собственно сам момент удара он не помнил. Память сохранила лишь смутную картинку, как он подрулил к своему загородному дому и нажал на пульт ворот гаража. Но пульт отчего-то не сработал, и ему пришлось выйти из машины, чтобы открыть гараж вручную. Это последнее, что запечатлелось в его памяти — темнота летнего вечера, пряного и прекрасного после Великого Карантина, и свет фонаря.

Дальше — просто тьма.

И вот — сумрак, лампочка под железным потолком. Гараж.

Не его гараж. Он понял это сразу, как только огляделся, поворачивая голову, пульсирующую тупой болью.

— Я прошу у тебя прощения.

Голос хриплый, до крайности взволнованный. Почти истерический голос — мужской. Но в нем какие-то бабьи нервные ноты.

— Я умоляю тебя простить меня.

Примотанный скотчем к стулу мужчина не видел говорящего — тот стоял позади. Обхватил его за горло, на-

сильно запрокидывая голову назад, рванул так, что чуть шею не сломал. И когда привязанный к стулу заорал от неожиданности, боли и страха, засунул ему в рот, чуть ли не в самое горло, пластиковую бутылку, наполненную водкой.

Может, и еще чем-то, кроме водки.

Привязанный к стулу едва не захлебнулся, забился, пытаясь повернуть голову и вытолкнуть изо рта горлышко бутылки. Его мучитель вроде как отпустил его. Но в следующую секунду пальцами зажал ему плотно нос, заставляя снова открыть рот широко, и водка лилась, обжигая гортань и пищевод.

Привязанного к стулу вырвало.

Но это помогло мало. Достаточное количество алкоголя попало ему в желудок. И он уже чувствовал, что пьян. Было и еще что-то не так с этой водкой... Кроме жара опьянения он ощущал пугающую скованность во всем теле. Перед глазами все плыло.

Какие странные звуки...

Кто-то скулит...

Словно жалобный плач...

Или это галлюцинация? Морок?

— Я прошу у тебя прощения, — снова повторил хриплый голос у него за спиной. — И ты должен, обязан меня простить.

Говоривший сделал шаг и вышел из тени. Обошел стул с привязанным к нему мужчиной и встал перед ним.

Он больше не скрывался.

Он позволил себя увидеть.

И это наполнило сердце привязанного ледящим страхом.

Хотя в облике его мучителя, его похитителя не было ничего inferнального, ужасного.

На первый взгляд — заурядный человек.

Самый обычный мужчина.

— Прости меня.

Он смотрел на свою жертву — прямо в глаза и произносил это нервно, но так искренне, так страстно, что...

его жертва просто не могла не прислушаться к этому тону, к умоляющей интонации.

И взгляд...

— Ну, хочешь, на колени перед тобой встану?

Мучитель медленно и грузно опустился на колени перед привязанным к стулу. Перед напуганной, обреченной на муки и смерть жертвой.

— Вот, видишь? Я на коленях перед тобой. И умоляю о прощении. Думаешь, мне легко сейчас?

Пауза. Только хриплое прерывистое дыхание привязанного к стулу.

— По-твоему, я сумасшедший?! Отвечай!

— Я... я не знаю... нет... Что вам от меня надо?!!

— Мне от тебя надо все. — Мучитель смотрел на него почти жалобно. — И я бы никогда этого не сделал. Все это так дико... Я и сам это признаю. Дико... жутко... глупо... так глупо... Но я ничего не могу сделать, понимаешь? Я должен! Я обязан. Она так сказала...

— Кто она?

— Она... она не простит, если я отступлю сейчас или пойду на попятный. Она так сказала мне — либо ты... либо они. Ну конечно же они... конечно вы... ты... Не я же.

Привязанный к стулу смотрел на него. Он не понимал этого бреда. Все казалось ему страшным сном, кошмаром... Только вот...

В кошмарах не воняет собственной рвотой, испачкавшей дорогую рубашку, запятнавшей стильный галстук.

И эти звуки...

Скулеж... плач...

— Прости меня, мой друг, — сказал мучитель, который не был ему другом.

Он поднялся с колен. Достал из кармана куртки мобильный. Включил камеру на съемку. И поставил мобильный на полку гаража, чтобы у камеры был самый лучший ракурс.

Затем направился вглубь пустого просторного гаража — во мрак. И через минуту появился в круге света с плетеной корзинкой.

В корзинке — щенки. Маленькие, еще слепые. Два черных щенка, отнятых у приبلудной прикормленной дворняжки, которую пришлось отравить крысиным ядом, потому что она — мать к своим новорожденным деткам никого не подпускала.

Привязанный к стулу видел, как его похититель достал обоих щенков из корзинки. Они скулили, пищали, сучили крохотными лапками, когда он держал их на весу, словно любуясь ими и показывая их своей жертве.

А потом он крепко, очень крепко начал сжимать кулаки, смыкая пальцы на шеях обоих щенков.

Они пищали, скулили, плакали...

А он медленно душил их на глазах своей потрясенной жертвы.

Когда щенки затихли, он аккуратно положил их снова в корзинку.

— Вот так. А тебе любопытно было на это смотреть? — спросил он тихо свою жертву.

— Ублюдох... садист... ссволочь! — Привязанный к стулу на миг позабыл даже собственный страх. — Что ж ты творишь?!

— Это только начало. Первый шаг. — Его мучитель грустно поник головой. — Она говорит — чем больше мучений, слез, страданий, боли — тем лучше. Тем крепче. Надежнее. Понимаешь — надежнее! А это самое главное.

Он зашел за спину привязанного. И что-то звякнуло. Какие-то металлические предметы. Они лежали на верстаке. Но мужчина не видел, что там такое лежит. Однако одно осознание... что там что-то есть... *нечто острое*... парализовало его тело. Или ощущение паралича было вызвано чем-то иным?

Его похититель снова встал перед ним — с большим садовым секатором в руках. Он смотрел на свою жертву не мигая. А потом поднес секатор к его груди и...

Щелк!

Мощное лезвие щелкнуло и разрезало скотч, путы, которыми мужчину прикрутили к стулу.

Щелк!

Обрезки скотча упали на бетонный пол.

А следом на пол грузно свалился со своего стула и тот, кто был к нему примотан, а теперь вроде как свободен.

Свободен?

Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не повиновалось ему, хотя он ощущал его и чувствовал жжение от ссадин. И боль в затылке. Ощущал, как холодит ему бок бетонный пол.

Но он не мог пошевелиться. Не мог поднять руку. Не мог согнуть ногу. Он словно погружался в сон.

Внезапно сонный морок пропал, хотя оцепенение по-прежнему сковывало все его тело.

Сердце пронзил ледяной ужас.

Он увидел то, что взял с верстака его мучитель, отложив секатор.

Теперь в его руке был топор — тяжелый, остро наточенный топор дровосека.

— Ну, прости меня, мой друг. Мой бесценный прекрасный друг, — признал мучитель, ногой осторожно, почти бережно поворачивая его на спину. — Клянусь, не было, нет и не будет в жизни кого-то ближе, драгоценнее и дороже тебя для меня. Она правду мне сказала: когда сделаешь все это сам, своими руками — только тогда поймешь, что это значит. Что это такое. И как это важно. Велико. Как это *хорошо*...

Схватив топор обеими руками, он суетливо и неумело вскинул его высоко над головой и, выдохнув хрипло, рубанул...

Его жертва уже не кричала, а выла, пытаясь хоть как-то пошевелиться, повернуться, укрыться, уползти...

Глава 2

ПОХИЩЕНИЕ

Слава Крутов на мотоцикле добрался до дома своей покойной бабки в Отрадном только в девять вечера. На федеральном шоссе произошла авария, и он проторчал

в пробке почти полтора часа. Мотоцикл не выручил — он проشمыгнул на нем среди машин до самого места аварии, но дальше проезд закрыла полиция, перегородив шоссе своими авто с мигалками. А на обочину как назло на этом участке съехать было невозможно из-за бетонных ограждений. Пришлось ждать и терпеть.

Ну что ж, он честно вытерпел целый нескончаемый карантин. Апрель, май, почти весь июнь...

Его терпение закончилось 15 июня. Оно лопнуло не только у него, но и у всех его друзей, у пацанов и девиц, с которыми он весь долгий карантин общался лишь на какой-то дрянной страничке ВКонтакте, где все шпыняли друг друга и срывали злость из-за взвинченных принудительной изоляцией нервов, хотя и считались как бы «друзьями». А потом кто-то кликнул клич — баста! Так мы все просто рехнемся. Надо встряхнуться.

И они решили устроить тайную вечеринку назло Великому Карантину и всем запретам.

На вечеринке все перезаразились коронавирусом. Собственно, многие узнали это лишь постфактум — и Слава Крутов в том числе. В свои девятнадцать он перенес новую чуму сравнительно легко — покашлял, потемпературил денек, никому не сказал из домашних — ни матери, ни бабке. К бабке даже сгонял на мотоцикле, оформив пропуск, как только почувствовал себя получше — сделал благородное дело как любящий внук: привез ей продуктов, забрав их в постмате «Метро».

Бабке стало плохо через три дня после его приезда. Через неделю она умерла в инфекционном госпитале, развешенная на месте выставочного центра. Коронавирус в тяжелой форме.

Мать обвинила его в том, что он пошел на ту чертову вечеринку, заразился сам и заразил бабку. Мать любила свою мать и искала виновных. Кричала на него, что он бессердечный эгоист, не понимающий, что мир изменился безвозвратно. Что вот он жив и здоров, а ее мать — еще крепкая семидесятилетняя женщина — мертва.

В ответ Слава лишь бубнил: «Мам, мам, прекрати, что за ерунду ты несешь? При чем тут я? Это болезнь».

Он и правда, искренне недоумевал. И самое главное — не верил, что стал причиной смерти бабки, которая вырастила его. И оставила ему в наследство дом в Отрадном — дачу, где он провел все свое детство.

Он так спешно помчался на мотоцикле в Отрадное, потому что назавтра мать записала его на прием к нотариусу. Надо было начинать оформлять бабкино наследство — дом. А документы и на дом, и на участок так и лежали со дня бабкиной смерти в ее комод. Необходимо было их срочно забрать. Мать не поехала сама. В ее мозгу подобно чудовищной ядовитой орхидее расцвел странный психоз — будто дом ее любимой матери, умершей от коронавируса, теперь надолго заразен. Зачумлен.

Каких только психозов нет сейчас на эту тему. Каких сплетен! Слава в свои девятнадцать презирал все это. Но вместо матери поехал сам — он ведь уже переболел, пусть и в легкой форме, но что-то ведь там, наверное, осталось в его организме — какие-то антитела, про которые все сейчас болтают неведь что.

Оставив мотоцикл у забора, он отпер замок калитки, вошел в сад, захлопнул калитку и... внезапно почувствовал — что-то не так.

Смутное чувство тревоги...

Еще более смутное неуловимое чувство грозной опасности...

С ним такое уже случалось в раннем детстве. Например, как сигнал в мозгу — не надо идти по той улице и заворачивать за угол — там компания пацанов, уличной шпаны, караулящей мелких, чтобы отлупить и обобрать.

Но сейчас это чувство было несколько иным...

Призрачным, что ли...

Слава прошел по дорожке среди давно оцветших бабкиных флоксов и пионов. Оглянулся. Кусты вдоль забора. Вечерний сумрак — нежные, пепельные тени, что становятся все гуще. И жемчужно-серое вечернее небо.

Слава, насвистывая рэп, взбежал на крыльцо, достал ключи из кармана ветровки и...

Внезапно резко обернулся.

Стебный мотивчик застрял в его горле.

Он никак не мог понять — что именно его так внезапно и сильно напугало?

Здесь никого нет. Бабкин дом в конце тихой дачной улицы. Соседи давно живут за границей и на дачу не приезжают много лет. Их участок зарос. Там настоящий лес. Джунгли...

Слава вглядывался в вечерний сумрак — хлипкий штакетник разделяет участки, а за ним — кусты, заросли...

Чувство такое, словно где-то рядом затаился грозный хищник. И смотрит на тебя из засады. Оценивает. Готовится напасть...

Да что же это за бред? Это все нервы, нервы, нервы, расшатанные карантин и долгим бездельем, потерей работы в ресторане «Горыныч», куда он с таким трудом устроился зимой официантом. Это и бабкины похороны, и несправедливые обвинения матери...

А что, если дух бабки все еще здесь?

Слава усмехнулся криво, потряс головой. Ты че, вообще, пацан? Ты че придумал сам себе?

Да, бабка не собиралась умирать. У нее имелись планы на жизнь. У нее были деньги, этот дом. Подруги — старые дамы из обеспеченных московских семей. Она вечно суежилась, болтала по телефону, стряпала, такой живчик, но...

Им же даже в больницу — в тот инфекционный госпиталь — не разрешили приходить ее навещать. Они с матерью после госпитализации бабки сдали тесты на коронавирус. И у него он был положительный, а у матери нет. И она буквально заперлась от него в своей комнате...

Бабка умерла в одиночестве.

Затаила ли она зло на него?

Винила ли его?

Нет, нет... она любила его... она вырастила его...

Но отчего ему так не по себе сейчас — здесь, у ее дома, на ее крыльце, перед ее дверью? Совесть заела?

Шорох в кустах...

Он снова резко обернулся.

Маленькая плюгавая собачонка выскочила из кустов. Что-то вроде клочкастой болонки — в шлейке с волочащимся за ней поводком. Тявкнула как-то жалобно.

Слава спустился по ступенькам крыльца. Это что еще за явление?

— Ты откуда здесь? Ты чья?

— Ой, моя, моя! Это моя собака! Мики... Мики, мое золотко, иди ко мне...

Голос какой приятный.

Слава увидел у забора человека — черные кожаные брюки в обтяжку, берцы, косуха в заклепках, кожаная фуражка. На лице эта чертова маска. Даже здесь, на дачах, кто-то их не снимает!

— Моя девочка вырвалась у меня и шмыгнула к вам на участок. Не могли бы вы ее мне подать через забор. Или впустите меня, я ее сейчас заберу.

Голос просто прелесть.

На сердце у Славы потеплело. И страх пропал.

Он подошел к калитке, открыл ее.

У собачки и правда вид какой-то чумной — шерсть свалялась, глаза гноятся. Собачка подбежала к его ногам, умоляюще заглядывая в лицо. Она как будто просила о чем-то.

Человек, затянутый в черную кожу, словно в латекс, зашел на участок. В правой руке у него было большое черное шерстяное пончо.

— Мики, золотко, иди ко мне. Вы бы не могли поймать ее поводок? Пожалуйста. И прошу прощения за беспокойство.

— Конечно. А песик нервный у вас какой-то.

Слава нагнулся, чтобы взять поводок, волочащийся за собачонкой. И в этот миг...

Точно душный страшный покров на него накинули сверху — пончо, воняющее изнутри чем-то резким, химическим, сладким, тошным...